

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

К. Хисаока

В последнее время особую актуальность приобрели исследования кросс-культурных параллелей в материальной и духовной культурах народов. Особый интерес представляет обнаружение сходств между этносами, которые географически и цивилизационно существенно разделены. В данной статье рассматриваются параллели, обнаруженные между сюжетами осетинского нартовского эпоса и «Кодзики» – японского мифа о сотворении мира, созданного в VIII в. Параллели между «Кодзики» и осетинским нартовским эпосом были отмечены в 1976 г. японским мифологом Ёсида Ацухико, который был близким другом Ж. Дюмезиля. Ёсида указал на влияние скифской легенды в «Кодзики», и его предположение связано с академическим влиянием Эгами Намио, выдающегося археолога Японии послевоенного периода. В своей книге «Государства кочевых народов», написанной в 1967 г., Эгами утверждал, что государства скифов и других евразийских кочевников, возможно, оказали влияние на японскую культуру примерно в VI в., когда в Японии, в основном на Хонсю и Кюсю, были построены Кофун – круглые гробницы королей, похожие на евразийские курганы. Как отмечает Ёсида, параллели с осетинским нартовским эпосом, включая сюжет о братьях (параллель с нартовскими Ахсаром и Ахсартагом) и герое Сусаноо в «Кодзики», кажется, подтверждают влияние скифской культуры на древнюю Восточную Азию. Помимо нартовского эпоса, в данной статье рассматривается культурное влияние Евразии на Восточную Азию на примере арф и других музыкальных инструментов, распространенных на Кавказе и в Восточной Азии, а также традиции канатоходства.

Ключевые слова: осетинский нартовский эпос, Батрадз, Кодзики, Сусаноо, скифы, Восточная Азия.

Для цитирования: Хисаока К. Восточная Азия и Северный Кавказ: эпическое наследие и кросс-культурные параллели // KAVKAZ-FORUM. 2023. Вып. 14 (21). С. 73-89. DOI: 46698/VNC.2023.21.14.003

Параллель между географически далекими культурами Кавказа и Восточной Азии никогда не рассматривалась подробно. Можно сказать, что с XX в. сравнения кавказскими учеными собственных культур сосредоточены на индоевропейских и западно-европейских языках и культурах. Например, осетинский лингвист Василий Абаев (1900–2001) известен своими сравнительными исследованиями осетинского и других индоевропейских языков с целью определения этнического происхождения осе-

тинского народа [1, 579-598]. Среди исследователей кавказских языков теория об общей идентичности иберийских кавказских языков, предложенная грузинским лингвистом Арнольдом Чикобава (1898–1985), привела к сравнительным исследованиям грузинского и баскского языков. Даже в последние годы интерес к баскскому языку и культуре среди них не ослабевает. Например, грузинский лингвист Грета Чантладзе-Бакрадзе указывает, что в пещерных живописях в Стране Басков, наблюдаются маски животных, похожие на те, что используются в грузинском народном театре масок – Берикаоба-Кееноба [2, 187-190].

С другой стороны, начиная с IX в., среди российских и советских ученых-востоковедов зарождается интерес к евразийскому востоку. Например, этномузыкологи Изалий Земцовский и Алма Кунанбаева обратили внимание на то, что напевы на основе пентатонической гаммы, характерные для японских народных песен Хоккайдо, называемые «Ойвакэ», также распространены в народных песнях монголов и башкиров [3, 199]. После распада Советского Союза японскими этномузыкологами и фольклористами развиваются сравнительные исследования эпосов и традиционной музыки евразийского континента, включая Россию, Кыргызстан и Узбекистан, с целью выявления истоков японской культуры.

Однако интерес к евразийской культуре у японских ученых возник не в последние десятилетия, а более чем полвека назад. Академическую традицию поиска истоков японской культуры в Евразии заложил Эгами Намио (1906–2002), ведущий японский археолог и бывший заслуженный профессор Токийского университета, который активно действовал после Второй мировой войны. В своем научном исследовании «Государства наезднических народов» (1967) Эгами указал на возможность того, что Япония примерно в VI в., когда были построены круглые гробницы, похожие на евразийские курганы, находилась под влиянием евразийских народов, включая скифов, хунну и других этнических групп [4, 148-150]. Он отметил, что в Японии, начиная с VI в., внезапно появился обычай хоронить умерших вместе с их упряжью, а также круглые гробницы курганного типа, называемые Кофун, которые не встречались в более ранние периоды в Японии, и что культура Японии в этот период могла значительно измениться под влиянием евразийских народов [4, 150-153]. Он утверждал, что лошади могли попасть в Японию вместе с евразийскими кочевыми народами примерно в VI в. [4, 156-160]. Он отметил, что на рельефе каменного гроба, найденного в префектуре Окаяма, датируемого VI в., изображена фигура Будды, кормящего травой двух лошадей, и обратил внимание на то, что подобная резьба с лошадьми не обнаруживается в раскопках более ранних периодов [4, 158; 5]. Интересно, что Эгами также указал на то, что из гробниц

японских королей этого периода были извлечены пряжки, похожие на те, что были найдены в различных частях Евразии, включая Алтай и Кавказ [4, 154]. Кроме того, Эгами отметил, что появление женщин-императоров в Японии, начиная с VI в., возможно, произошло под влиянием евразийских кочевников (конкретнее – сарматских женщин-воинов) [4, 235-238]. Эгами утверждал, что Япония в то время находилась под властью евразийских кочевников [4, 175-178]. Гипотеза Эгами, которая, как представляется, отрицает автохтонную культуру японского народа, не была хорошо принята японским научным сообществом. Но возможность того, что древняя Япония находилась под культурным влиянием евразийских всадников, была поддержана некоторыми японскими учеными [5].

Например, в 1970-х гг. японский мифолог Ёсида Ацухико, общавшийся с французским мифологом Жоржем Дюмезилем (1898–1986), обнаружил сходство, что между осетинским нартовским эпосом и «Кодзики» (Записи о деяниях древности) – японским мифом о сотворении мира, датируемым VIII в., – наблюдаются общие сюжеты [6, 139-168]. Как известно, элементы, аналогичные сюжетам и мотивам осетинского нартовского эпоса, встречаются также в «Артуровских легендах» на острове Британия. Американский антрополог Скотт Литтлтон и фольклорист Линда Малкор указывают, что герой Ланселот, означающий «Алан из реки Лот» (Ло), а также легенда о Святом Граале могла возникнуть из фольклора аланов, поселившихся в Галлии примерно в V в. [7, 94-101; 209-217]. Они также находят параллель между Владычицей Озера, прорицательницей, которая воспитала Ланселота, и нартовской Сатаной [7, 154-178]. Даже в последние годы достигнуты поразительные результаты в изучении параллельности между нартовским эпосом осетин и легендами Западной Европы. Например, Константин Рахно обнаруживает сходство между легендой об основателе династии Меровингов, родившемся от приморской королевны и кентавра со звероподобными чертами, и рождением нарта Сырдона – сына водного владыки Гатага [8, 23-26]. Эльмира Гутиева также обнаруживает параллель между гибелью нарта Батрадза и сюжетом о смерти и погребении англо-нормандского Вильгельма Завоевателя, о которых упомянул церковный историк XII в. Ордерик Виталий [9, 51-53].

Однако параллели между осетинским нартовским эпосом и мифами Восточной Азии, включая Японию, Корею и Китай, не вызвали большого интереса среди исследователей. Примечательно, что в последние годы среди американских ученых наблюдается повышение интереса к культурному влиянию скифов, которые считаются предками осетин в древней восточной Евразии. Например, историк Кристофер Беквит показывает, что культурное влияние скифов распространялось вплоть до района реки

Хуанхэ в Китае [10, 43-45]. Данная статья показывает влияние скифской культуры в древней Восточной Азии на примере параллели между осетинским нарттовским эпосом и японским «Кодзики». Вместе с тем в статье рассматриваются музыкальные инструменты, распространенные на Кавказе и в Восточной Азии, в том числе арфа, которая используется в эпических сказаниях.

В своей статье «Японские клапперы: Сасара и Наруко» (2022) я указала, что музыкальные инструменты – клапперы (трещотки), на которых играли черкесы, абхазы и осетины, возможно, привезены в Китай, Корею и Японию через торговый Шелковый путь. Примечательно, что кавказские и восточноазиатские клапперы состоят из нечетного количества досок. Количество дощечек в корейском клаппере – шесть, а в японском клаппере Сасара, как ни удивительно, 108, и все они основаны на кратности три [11, 55]. Количество досок черкесского клаппера Пхачич основано на нечетных числах: три, пять и семь досок. Особенно число три можно считать важным у народов Кавказа с древнейших времен. Например, у черкесов изготавливают треножный стол *анэ*, а у осетин – треножный стол *фынг*.

По утверждению Мирча Элиаде, нечетные числа, такие как три, семь, девять, символизируют космологическое мировоззрение тюрко-монгольских народов (прежде всего, алтайцев, бурятов и чувашей) [12, 274-279]. Элиаде отметил, что концепция семислойного рая распространяется на Северную и Южную Сибирь [12, 275], указав, что если представление о семиуровневом или семипланетном космосе, вероятнее всего, возникло в Месопотамии, то трехуровневый космос, состоящий из небесной, земной и подземной сфер, имеет более древнее происхождение и, возможно, возник не в Месопотамии [12, 273]. Элиаде указывает, что космология, основанная на трех, повсеместно встречается у народов Центральной Евразии, в частности среди тюрко-монгольских народов [12, 259-266]. Такие числа также встречаются в нарттовском эпосе в виде таких концепции, как три пирога, а также седьмой слой подземелья. В осетинском нарттовском эпосе *три* и его кратные числа, предположительно, связаны с тюрко-монгольским влиянием. Исходя из этих примеров, можно предположить, что корейские и японские клапперы с количеством досок, основанным на кратных трех, пришли из Евразии.

Другие музыкальные инструменты, похожие на кавказские лютню и арфу, также распространились в Японии. На Кавказе известна трехструнная лютня осетин – *дала-фандыр*, а также 12-струнная арфа – *дуадастан-фандыр*, которая, как считается, была создана трикстером Сырдоном. Инструменты того же семейства хорошо известны в Японии, где сохранились лютня под названием *бива* с 4-5 струнами и арфа с 21-23 струна-

ми под названием *куго*. Подобные лютни и арфы также распространены в Китае. Китайская арфа называется *конгхоу*, а лютня – *пила*. В Японии считается, что лютни и арфы попали сюда в результате торговли с Китаем (период Тан), которая процветала примерно в VIII в. Лютня также является популярным музыкальным инструментом в Казахстане и Узбекистане – в Центральной Азии, где когда-то проходил Шелковый путь. Курт Закс (1907–1986), ведущий музыковед XX в., считает, что лютня и арфа вместе с клаппер зародились в древнем Шумере и Вавилоне [13, 67-85].

Помимо музыкальных инструментов в Восточной Азии также распространены канатоходство и народный театр масок, которые широко известны на Кавказе. Канатоходство также является традиционным для некоторых районов восточной Японии. Предполагается, что японское канатоходство было завезено из Евразии через Китай. На надгробных рельефах времен поздниханьской (25-220 гг. н. э.) в Инани (провинция Шаньдун, Китай) изображены канатоходцы и танец с мечом [14]. Подобный вид искусства также был известен на Кавказе. Можно предположить, что канатоходство и танец с мечом были завезены на Восток из западной Евразии.

Еще одним примечательным фактом является то, что среди народов Кавказа изготавливались маски в виде козлов и других животных, которые использовались в основном в народных мистериях, имеющих ритуальный характер. Среди черкесов передавался танец с масками козла, называемый Ажегафа, который танцевали, чтобы получить хороший урожай, а также для лечения болезней [15, 1; 16, 106-109]. Среди осетин существовала традиция игры с медвежьими масками на Новый год и на свадьбах [15, 2]. Народные театры с использованием масок животных распространяются в Восточной Азии, включая Китай, Корею и Японию, а также Тибет и Бутан. Народный театр масок также является традиционным жанром японской культуры. В Японии известен народный театр масок в виде танца льва под названием Сисимаи (в переводе с яп. «сиси» – лев, «май» – танец), в котором исполнители носят маски львов. В Японии львы не обитают, поэтому японцы считают, что родина танца львов – это Евразия. Японские танцы льва исполняются весной и осенью с желанием крепкого здоровья и хорошего урожая. Считается, что среди японцев танец льва был завезен из Китая и Корейского полуострова в период Нара (710-794 гг.). В то время в Японии процветала торговля с Китаем и Корейским полуостровом, и в хранилище Сёсоин в городе Нара хранятся маски львов из Китая и Кореи, которые, как считается, использовались в театрах масок.

Однако некоторые могут утверждать, что сходство в традиции канатоходства, народном театре масок и музыкальных инструментах между Кавказом и Восточной Азией является простым совпадением, и сомнительно,

что они действительно были завезены в Японию из Евразии. Однако, учитывая, что в сюжетах древних японских и корейских мифов наблюдаются параллельные элементы с сюжетом осетинского нартовского эпоса, весьма вероятно, что канатоходство, народный театр масок и музыкальные инструменты также были принесены в Восточную Азию во время миграции скифов в восточную Евразию.

Между сюжетами японского мифа о сотворении мира «Кодзики» и осетинского нартовского эпоса наблюдаются общие черты, которые нельзя считать случайными. «Кодзики» был составлен в 712 г., содержит хронику истории сотворения Японии и, как принято считать, включает в себя, наряду с мифами, массу исторических фактов. «Кодзики» был написан аристократом Оно Ясумаро на основе содержания мифа о сотворении Японии, рассказанного вассалом императоров Хиэдано Арэ. «Кодзики» посвящен императрице Гэнмэй. Мифолог Ёсида отмечает, что параллельный сюжет о братьях Ахсаре и Ахсартаге из осетинского нартовского эпоса обнаруживается и в «Кодзики» [6, 149-158]: здесь тоже присутствует сюжет о двух братьях – Ходэри (Умисати), который хорошо ловил рыбу в море, и Хоори (Ямасати), который был мастером охоты из лука. Однажды они решили поменяться занятиями: старший брат Ходэри, который хорошо ловил рыбу, пошел охотиться в горы, а младший брат Хоори, который хорошо охотился, пошел ловить рыбу в море. Младший брат, Хоори, хорошо владевший луком, не смог поймать ни одной рыбы. Он также потерял рыболовный крючок, который одолжил у своего брата. Старший брат Ходэри отругал Хоори. Хоори отправился во дворец морского бога, чтобы найти крючок. Хоори нашел крючок во дворце морского бога, но вместо того, чтобы отдать ему крючок, морской бог попросил Хоори жениться на его дочери Тоётама-химэ. Хоори сделал все, что сказал морской бог, женился на Тоётама-химэ, и они жили вместе в морском дворце некоторое время. Однако постепенно Хоори начал скучать по своей жизни на земле. Когда Хоори покинул море, Тоётама-химэ подарила ему рыболовный крючок. Хоори вернулся на землю, но оказалось, что Тоётама-химэ, оставшаяся на дне моря, забеременела. Поскольку существовал обычай не рожать детей в море, Тоётама-химе вышла на берег и родила Угаяфукиаэдзу, который стал отцом императора Дзимму.

Ёсида указывает на параллели между осетинским нартовским эпосом и «Кодзики» следующим образом. Как и Ахсартаг в нартовском эпосе, младший из братьев, Хоори, лучше владеет луком и стрелами [6, 156-157]. Как в нартовском эпосе, так и в «Кодзики» младший брат женился на дочери морского бога, и дочь морского бога родила мальчика, который стал основателем знаменитого рода на земле [6, 156-157].

Ёсида также отмечает, что брак между братом и сестрой Идзанаги и Идзанами напоминает сюжет из цикла «Урызмаг и Сатана» в нартовском эпосе [6, 162]. В «Кодзики», как и в нартовском эпосе, младшая сестра Идзанами призналась в любви своему брату Идзанаги. Между Идзанами и Идзанаги родились японские острова Хонсю, Сикоку и Кюсю, а также многие языческие божества. Однако Идзанами внезапно умерла из-за ожогов, когда рожала бога огня Кагуцути. Ёсида отмечает, что в «Кодзики» также встречается сюжет, подобный приключению нарта Сослана в Стране мертвых [6, 163-167]. Сослан посетил Страну мертвых, чтобы добыть бессмертные листья *аза*, где он воссоединился со своей умершей женой. Идзанаги также отправился в Страну мертвых за своей мертвой женой Идзанами. Когда Идзанаги пришел в Страну мертвых, Идзанами, уже обезображенная, велела ему не приближаться к ней. Однако, нарушив слово Идзанами, Идзанаги попытался увидеться с ней. Разгневанная Идзанами собрала богов грома и чудовищ и заставила их атаковать Идзанаги. Идзанаги бежал от преследования, и когда он достиг входа в Страну мертвых, он закрыл вход большим камнем. И тут за камнем послышался голос Идзанами. Она сказала: «С этого дня я буду забирать по тысяче человек в день из страны живых в страну мертвых». Затем Идзанаги ответил, что с этого дня ежедневно будут рождаться 1500 новых людей. Таким образом, говорят, что в Японии родилось больше людей, чем умерло.

После того, как Идзанаги отправился в Страну мертвых, он омыл свое тело, чтобы избавиться от мерзости мертвых. Когда Идзанаги омыл свой левый глаз, из его левого глаза родилась богиня солнца Аматэрасу; когда он омыл свой правый глаз, из его правого глаза родился бог луны Цукиёми; когда он омыл свой нос, из его носа родился Сусаноо. Ёсида указывает, что сюжет Идзанаги, в котором рождает мужчина, напоминает сюжет про нарта Хамыца [17, 145-147]. Что касается сюжета о рождении ребенка от мужчины в нартовском эпосе, Ёсида указывает, что это, возможно, результат «Энаррей» (Андрогиния), которые, как указывает Геродот, встречались у скифских мужчин [17, 133-147].

Сусаноо, родившийся из носа Идзанаги, был мальчиком нечеловеческой силы, но с детства постоянно сетовал на отсутствие матери. Его отец, Идзанаги, которому было тяжело смотреть на страдания сына Сусаноо, изгнал его. Ёсида отмечает, что между детством Сусаноо и Батрадза обнаруживается следующая параллель. Хотя Идзанаги в детстве приказал ему жить в море, Сусаноо направился к небесному плато. Батрадз в детстве также прожил в море, но потом выбрал жизнь в небе [17, 147-150]. Ёсида также обнаружил сходство между Сусаноо и Батрадзом в том, что они могут вызывать гром и грозу [17, 147-150]. Среди японцев Сусаноо почи-

тается как бог грозы. Хотя Ёсида не указал на это, я считаю, что мы также можем обнаружить параллель в поведении Сусаноо против чудовища Ямата-но Ороты с поединком Батрадза против Кандзаргаса. После изгнания из небесного плато из-за своего агрессивного характера Сусаноо встретил бедного старика. Старик рассказал Сусаноо, что его дочерей съел восьмиглавый змей Ямата-но ороты, и попросил Сусаноо убить Ямата-но ороты. Сусаноо выполнил просьбу старика и отправился в страну Идзумо (нынешняя префектура Симанэ), где жил Ямата-но ороты. Сначала Сусаноо дал Ямата-но ороты выпить пьянящие напитки. Пока Ямата-но ороты был пьян и спал, Сусаноо убил его, разрубив его голову. Батрадз также отрезал голову Кандзаргасу, пока тот спал, чтобы спасти старика и похищенных девушек. Сусаноо спас дочь старика Кусинада-химэ, похищенную Ямата-но ороты, и женился на ней. Из трупа Ямата-но ороты появился меч по имени Кусанаги. Сусаноо подарил меч Аматаэрасу, богине солнца.

Змеевидное чудовище можно обнаружить в хеттской мифологии. Хеттский дракон Иллуянка привязан героем Гупасия в пьяном состоянии и атакован богом грома [18, 18]. В хеттской мифологии также содержится параллельный сюжет с битвой Героя Сусаноо и Ямата-но ороты в «Кодзики». Кроме того, железный меч Кусанаги, найденный на теле Ямата-но ороты, также был редкостью в Японии того времени, что указывает на культурное влияние хеттов и других индоевропейских племен. Ёсида отмечает, что в «Кодзики» существуют три функции, определенные Дюмезилем. Например, в «Кодзики» богиня солнца Аматаэрасу выполняет ритуалы, Сусаноо – военные дела, а Окунинуси (внук Сусаноо), бог сельского хозяйства, занимается земледелием [6, 147-149; 17, 45-70]. Дюмезиль также отмечает, что в осетинском нартовском эпосе ритуалами занимается семья Алагата, владельцы Уацамонга, военными делами – семья Ахсартаката, а земледелием – богатая семья Бората [19, 10-11].

Сюжеты «Кодзики» позволяют предположить, что скифская легенда проникла в Японию примерно в VIII в. Ёсида также указывает, что аналогичный сюжет осетинского нартовского эпоса распространился и на Корейский полуостров [6, 168-176]. В корейской мифологии герой Хае Мосу, сын небесного бога, соблазняет дочерей речного бога, которые играют в реке. Хае Мосу нарисовал на земле картину ручкой своего кнута, и там был построен дворец. Хае Мосу пригласил трех дочерей во дворец и заставил их выпить. Пока три дочери напивались, Хае Мосу запер дворец и попытался запереть дочерей. Две из дочерей убежали из дворца, но только Юхва осталась. Две дочери обратились за помощью к своему отцу, речному богу. Речной бог разгневался на Хае Мосу за похищение

его дочерей. Хае Мосу сказал речному богу, что он сын небесного бога и что он хочет жениться на Юхва. Тогда речной бог попытался проверить, действительно ли Хае Мосу сын небесного бога. Сначала речной бог превратился в карпа. Затем Хае Мосу превратился в выдру и поймал карпа. Теперь речной бог превратился в оленя и убежал, но Хае Мосу превратился в волка и поймал оленя. На этот раз речной бог превратился в фазана, но Хае Мосу превратился в ястреба и поймал фазана. Когда речной бог увидел, как силен Хае Мосу, он понял, что Хае Мосу действительно сын небесного бога, и разрешил жениться на его дочери Юхва. У них родился Чумон (37-19 гг. до н.э.), основатель древнекорейского государства Когурё (I в. до н.э. – 668 г. н.э.). Ёсида отмечает, что в корейской мифологии также встречается сюжет, подобный осетинскому нартовскому эпосу, в котором герой женился на одной из трех дочерей водного бога и родил мальчика, который стал основателем знаменитого рода [6, 173-174]. Среди корейцев считается, что Чумон хорошо владел луком и стрелами, и Ёсида также обнаружил здесь параллель с героями осетинского нартовского эпоса [6, 173]. Интересно, что в корейской мифологии обнаруживаются параллели с осетинским нартовским эпосом, которых нет в японской мифологии. Например, встречаются эпизоды о кнутах, способных строить дворцы, а также о богах и героях, превращающихся в животных, птиц и рыб. Кнуты с магической силой часто появляются в эпосе осетин. В нартовском эпосе осетин также появляются герои, превращающиеся в зверей и птиц. Герои, превращающиеся в животных, возможно, означают одержимость в шаманизме. Элиаде отмечает, что одержимость шаманами, которые имитируют призывы птиц и животных для лечения болезней, встречается среди якутов и других народов в Сибири [12, 228-236]. Примечательно, что влияние тюрко-монгольского фольклора обнаруживается в литературе средневековой Западной Европы. В «Рассказе сквайра» из «Кентерберийских рассказов», написанном английским поэтом Джефри Чосером в XIV в., сообщается о сарайском монархе Камбускане, напоминающем Чингисхана, а также о магической лошади, способной в мгновение добраться куда угодно [20, 275-293]. Такие магические лошади также часто встречаются в нартовском эпосе. Элиаде отметил, что среди бурятов считается, что лошади переносят людей в загробный мир [12, 466-470].

Очевидно, что с расширением Монгольской империи в XIII в. тюрко-монгольское культурное влияние достигло Западной Европы.

Как мы видели по содержанию сюжетов японского и корейского мифов о сотворении мира, весьма вероятно, что параллельные сюжеты о сыновьях Уархага и Батрадза из осетинского нартовского эпоса уже были распространены в Восточной Азии примерно в VIII в. И наоборот, некото-

рые полагают, что эти сюжеты могли быть завезены на Кавказ из Восточной Азии.

Однако взгляды исследователей, представленные далее, подтверждают возможность трансляции нартовского эпоса из Евразии в Восточную Азию. Рахно указывает на то, что сюжет о герое, рожденном из скалы, характерный для нартовского эпоса, встречается также в монгольской, южносибирской и тибетской мифологии [21, 118]. Далее он предполагает, что герой, родившийся из скалы, происходит от индоиранского бога Митры, и указывает на возможность культурного контакта предков монголов с иранскими народами [21, 118]. Кстати, в Китае известно, что героев, рожденных из скал, не знают в Японии, но известно, что Сунь Укун, герой «Путешествия на Запад», написанного в XVI в., родился из скалы.

Историки и археологи также отмечают возможность распространения индоевропейских народов в древней Восточной Евразии.

Например, Беквит указывает что двухколесная колесница XII в. до н.э., найденная в гробнице короля в Аньяне на северном берегу Хуанхэ в Китае, похожа на двухколесные колесницы того же периода, найденные на Кавказе [10, 44]. Он также отмечает, что ножи, извлеченные из этой гробницы, похожи на ножи, раскопанные в степях северо-западной Евразии [10, 44], указывая, что двухколесные колесницы и ножи, а также обычай хоронить мертвых вместе с лошадьми имеют индоевропейское происхождение, и что индоевропейцы, возможно, уже в то время вторглись на берега Хуанхэ [10, 45].

Интересно, что американский археолог Дэвид Энтони указывает, что слово *ratha*, обозначающее двухколесную колесницу, встречается только в древних индоиранских языках [22, 35]. Энтони, принимая курганную гипотезу Марии Гимбутас, считает, что очаг зарождения индоевропейцев находился на северных равнинах между Черным и Каспийским морями, где были обнаружены значительные археологические находки [22, 83-89]. Однако скифы и другие индоевропейские языковые группы, возможно, с древних времен распространились не только на запад Евразии, но и на восток. В курганах, обнаруженных в Аржаане (Республика Тыва, Россия), как полагают, датируемых IX-VIII вв. до н. э., были найдены схожие со скифскими золотые и серебряные украшения и кости лошади [23]. Беквит указывает, что Та-Хсия (Даксия), страна, которая, как говорят, существовала в провинции Шаньси в Китае, упомянутая в Цзо чжуань, сборнике китайской истории VIII-V вв. до н.э., составленном Конфуцием, возможно, находилась под влиянием скифов [24, 208-209]. Он указывает, что, хотя Та-Хсия была известна как Бактрия, ее территория, возможно, расширялась в степях Центральной Евразии и вокруг современной про-

винции Хэбэй в Китае [24, 207]. Интересно, что, рассматривая название страны Та-Хсия, ученый отмечает, что *Та* на китайском языке означает «великий», *Хсия*, возможно, является трансформацией *harya*, означающего «королевская власть» на древнекитайском языке [24, 207]. Далее он указывает, что *harya* может происходить от скифского слова *arīa*, означающего королевскую власть [24, 125; 209]. Хотя слово *arīa*, означающее королевскую власть или благородство, встречается в древних индоиранских и тибетских языках, Беквит указывает, что оно могло возникнуть из скифского языка, о чем свидетельствует имя знаменитого скифского царя Ариапифа в V в. до н. э. [24, 132-138]. Как отмечает Беквит, в Цзо чжуань мифологический герой, основатель Китая Яо разлучил своих поссорившихся братьев и отправил одного из них в Та-Хсия [24, 208]. Эпизод соперничества братьев напоминает Ахсара и Ахсартага в осетинском нартовском эпосе и одновременно скифскую легенду.

Интересно, что культуролог Олег Гуцуляк указывает на влияние иранской этнической группы сираков в Восточной Азии. Считается, что сираки были эллинизированными сарматами, которые жили около реки Кубань примерно в IV в. до н. э. [25]. Ученый отмечает, что в «Нихон Сёки» (японская летопись), составленной вскоре после «Кодзики», Сусаноо был изгнан в древнекореяское государство Силла (57-935 гг. н. э.). Он считает, что это государство, называемое по-японски «Сираки», возможно, произошло от иранского этноса сираки [25]. Олег Гуцуляк также указывает, что шираки, подвергшиеся нападению римских армий примерно в I в., возможно, бежали на евразийский Восток и повлияли на мифы об этническом происхождении Японии и Кореи, а также якутов Восточной Сибири. Кроме того, он отмечает, что имя Сираки могло повлиять на небольшие роды тюркских народов Евразии, таких как ногайцы, казахи и узбеки [25]. Он утверждает, что культура иранских народов могла оказать влияние на древнюю Японию [25]. Исследователь указывает, что в древней Японии были построены погребальные холмы для королей, похожие на евразийские курганы, под названием *кофун*, а также на возможность того, что стрельба из лука, распространенная среди иранских народов, была завезена в Японию [25]. В подтверждении этого Гуцуляк приводит в пример европеоидоподобные черты лица балбалы, под названием Касай Ракан, найденные на территории древнего японского государства Киби (современная префектура Окаяма и прилегающие районы), которое процветало примерно II-VII вв., и возможность того, что государство Киби находилось под влиянием евразийских иранских народов [25]. Однако в Японии считается, что эти балбалы являются новыми, датируемыми примерно в XVII в., поэтому они не обязательно отражают культурные черты древнего периода Киби

и вряд ли могут служить доказательством того, что государство Киби находилось под культурным влиянием сираки и других иранских народов.

Однако это не опровергает гипотезу Гуцуляка полностью. В Японии, в современной префектуре Окаяма, где когда-то процветало древнее государство Киби, существует следующая легенда о герое по имени Момотаро: «Однажды старуха стирала одежду в реке, и вдруг из реки выплыл большой персик. Когда старуха подняла персик и разрешила его, она обнаружила внутри мальчика. Мальчика назвали Момотаро, и он вырастет сильным героем и побеждает чудовище под названием Они. Гигантские чудовища, причиняющие зло людям, называемые Они, появляются в японском фольклоре и напоминают *уаигов* в осетинском нартовском эпосе. Легенда о рождении Момотаро от хтонического существа напоминает легенды индоевропейского происхождения, включая сюжеты о божестве Митра и Сослане, рожденных из скал. Рахно отмечает, что сюжет о герое, родившемся из камня у реки, также присутствует в фольклоре ойратов, монгольского племени в Сибири [21, 114-115]. Гуцуляк указывает, что сюжет о том, как женщина зачинает в реке ребенка мужского пола, возможно, происходит из индоарийских народов [25]. Далее он указывает, что легенда о мальчике, родившемся из камня у реки, распространена по всей Евразии на востоке и западе, включая Балканский полуостров и Сибирь-Монголию [24].

Беквит указывает на то, что империя скифов, основанная в евразийских степях около I тысячелетия до н.э., могла распространяться не только на западную Евразию и Персию, но и на Китай на востоке [10, 58]. Кроме того, он отмечает, что скифы, которые взаимодействовали с зависимыми народами по всей Евразии, могли создать торговую систему, которая охватывала различные регионы, включая Грецию, Персию, Южную и Восточную Азию [10, 59]. Если следовать его точке зрения, а также мнению других исследователей, упомянутых в этой статье, можно предположить, что параллельные сюжеты с индоевропейскими мифами, встречающиеся в японских, корейских и китайских мифах, были завезены в Восточную Азию через торговую систему скифов.

В.И. Абаев отметил, что имена Батрадз (означает асского богатыря) и Хамыц (происходит от богатыря Хабици) имеют монгольское происхождение [26, XLI; LVI], но из сюжетов Идзанаги и Сусаноо в Кодзики ясно, что прототипы фигур Батрадза и Хамыца могли существовать в домонгольские времена. Как мы видели, можно обнаружить четкую параллель между сюжетом о божестве грома Сусаноо, рожденном из тела мужчины Идзанаги в «Кодзики», написанном в Японии VIII в., и циклом о Хамыце и Батрадзе в осетинском нартовском эпосе. Эти параллели отнюдь не случайны, если

обратить внимание на то, что в соседней Корее тоже встречается герой Хае Мосу, который женился на дочери бога воды, как Донбеттыр в осетинском нартовском эпосе. В результате изучения легенд Восточной Азии можно выявить основной сюжет осетинского нартовского эпоса, который был создан в домонгольский скифский период. В особенности важно исследовать китайские мифы и эпосы, где с древнейших времен отмечается влияние скифской культуры. Кроме того, учитывая общий характер народных эпосов, которые рассказываются под аккомпанемент музыкальных инструментов, необходимо сравнительное исследование традиционных музыкальных инструментов тех народов, которые передают эпосы.

1. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: Академии Наук СССР, 1949. Т. I. 601 с.

2. *Chantladze-Bakradze G.* Comparative and Contrastive Ethnic-Linguistic analysis of Georgian Berikaoba-Keenoba and Basque Spring Holiday – Fiesta Against the Background of the Relevant Laz (Kartvelian) Materials // *Kartvelian Heritage*. Kutaisi: Akaki Tsereteli State University, 2019. Vol. XXIII. P. 185-192.

3. *Земцовский И. И., Кунанбаева А. Б.* Homo Lyricus, или Лирическая песня в этномузыковедческой стратиграфии // *Классический фольклор сегодня: материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Путилова* (Санкт-Петербург, 14-17 сентября 2009 г.). СПб, 2011. С. 199-249.

4. *Egami N.* Kiba minzoku kokka: Nihon kodaishi e no apurochi. Tokyo: Chuo Koronsha, 2020 (1967). 340 p. (на япон. яз.).

5. Tohaku Blog // Tokyo National Museum [Web-site]. URL: <https://www.tnm.jp/modules/rblog/index.php/1/2012/02/05/>

6. *Yoshida A.* Nihon shinwa no genryu. Tokyo: Kodansha, 1976. 211 p. (на япон. яз.).

7. *Littleton C. S., Malcor L. A.* From Scythia to Camelot: A Radical Reassessment of the Legends of King Arthur, the Knight of the Round Table and the Holy Grail. London and New York: Routledge, 2000 (1994). 388 p.

8. *Рахно К. Ю.* Нартовский эпос и династическая мифология франкских королей Меровингов // *Вестник Владикавказского научного центра*. 2022. № 1 (19). С. 23-34.

9. *Гумиева Э. Т.* Гибель Батрадза и смерть Бастарда // *Kavkaz-Forum*. 2021. Вып. 8 (15). С. 44-59.

10. *Beckwith C. I.* Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2009. 472 p.

11. *Хусаока К.* Японские клappersе сасара и наруко // *Музыкаль-*

ное искусство Евразии: Традиции и Современность. 2022. №2 (7). С. 55-63.

12. *Eliade M.* Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy/translation from the French by W.R. Trask. London: Penguin Arkana, 1989 (1964). 610 p.

13. *Sachs C.* The History of Musical Instruments. New York: Dover Publications, 2006 (1940). 505 p.

14. Ink rubbings of Chinese stone carvings: A photographic introduction to items from the collection // Rekihaku. Vol. 119 [Web-site]. URL: <http://www.rekihaku.ac.jp/english/outline/publication/rekihaku/119/witness.html>

15. *Студенецкая Е. Н.* Маски народов Северного Кавказа. Л.: Государственный музей этнографии народов СССР, 1980. 2 с.

16. *Кушу С. А.* Шуточные танцы адыгов (черкесов). Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2018. 121 с.

17. *Yoshida A.* Amaterasu no genzo: Sukitai shinwa to nihon shinwa. Tokyo: Seidosha, 1987. 226 p. (на япон. яз.).

18. *Beckman G.* The Anatolian Myth of Illuyanka // Journal of the Ancient Near Eastern Society. 1982. Vol. 14. P. 11-25.

19. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 273 с.

20. *Chaucer G.* The Canterbury Tales/translation by D. Wright, notes by C. Cannon. Oxford: Oxford University Press, 2011 (1985). 517 p.

21. *Рахно К. Ю.* Рожденный скалой: Монгольско-Тибетские фольклорные параллели к осетинскому нартовскому эпосу // Kavkaz-Forum. 2020. Вып. 3 (10). С. 112-126.

22. *Anthony D. W.* The Horse the Wheel and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton: Princeton University Press, 2007. 553 p.

23. 10 интересных фактов о ранних скифах Тувы // Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва [сайт]. URL: <https://xn--80adihlpr-9be0f.xn--p1ai/?p=11214>

24. *Beckwith C. I.* The Scythian Empire: Central Eurasia and the Birth of the Classical Age from Persia to China. Princeton: Princeton University Press, 2022. 377 p.

25. *Гуцуляк О.* Сираки от Украины и Кубани до Кореи и Японии // Проза. Ру [сайт]. URL: <https://proza.ru/2022/02/12/1805>

26. *Abaev V. I.* The Ossetian Epic «Tales of the Narts» // Tales of the Narts: Ancient Myths and Legends of the Ossetians/edited by J. Colarusso and T. Salbiev, translated by W. May. Princeton: Princeton University Press, 2020 (2016). 442 p.

Hisaoaka, Kae – National Museum of Ethnology (Museum Minpaku) (Osaka, Japan); kaehisaoka67@gmail.com

EAST ASIA AND THE NORTH CAUCASUS: EPIC HERITAGE AND CROSS-CULTURAL PARALLELS.

Keywords: *Ossetian Narts' epos, Batradz, Kojiki, Susanoo, Scythians, East Asia.*

Recently, studies of cross-cultural parallels in the material and spiritual cultures of peoples have acquired particular relevance. Of special interest is the discovery of similarities between ethnic groups, which are geographically and civilizationally significantly separated. This paper discusses the parallels found between the plots of the Ossetian Nart epos and the Kojiki, a Japanese creation myth written in the 8th century. The parallels between the Kojiki and the Ossetian Narts' epos was pointed out in 1976 by Yoshida Atsuhiko, a Japanese mythologist who was a close friend of G. Dumezil. Yoshida suggested to the influence of the myth of Scythians in the Kojiki, and this background was due to the academic impact of Egami Namio, an influential archaeologist in post-World War II Japan. In his book «States of Equestrian Peoples», written in 1967, Egami argued that the cultural influence of the Scythians and other Eurasian equestrian peoples, may have been widespread in Japan around the 6th century, when Kofun, a circular tomb of a king similar to a Kurgan, was constructed mainly in Honshu and Kyushu. The parallels with the Ossetian Nart epos, including the plot of the brothers and hero Susanoo in the Kojiki, seems to confirm the influence of the Scythian culture in ancient East Asia. In addition to the Nart epos, this paper examines cultural influences from Eurasia to East Asia, with the example of harps and other musical instruments common in the Caucasus and East Asia.

For citation: Hisaoka, K. East Asia and the North Caucasus: epic heritage and cross-cultural parallels. KAVKAZ-FORUM. 2023, iss. 14 (21), pp. 73-89. (In Russian). DOI: 46698/VNC.2023.21.14.003

References

1. Abaev, V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian Language and Folklore]. Moscow-Leningrad, Academy of sciences USSR, 1949, vol. 1. 601 p.
2. Chantladze-Bakradze, G. Comparative and Contrastive Ethnic-Linguistic Analysis of Georgian Berikaoba-Keenoba and Basque Spring Holiday – Fiesta Against the Background of the Relevant Laz (Kartvelian) Materials. *Kartvelian Heritage*. Kutaisi, Akaki Tsereteli State University, 2019, vol. XXIII, pp. 185-192. (in Georgian).
3. Zemtsovskii, I. I., Kunanbaeva, A. B. *Homo Lyricus, ili Liricheskaya pesnya v etnomuzykovedcheskoi stratigrafii* [Homo Lyricus, or the Lyric Song in Ethnomusicological Stratigraphy]. *Krassicheskii fol'klor segodnya: materialy konferentsii, posvyashchennoi 90 letniyu so dnya rojdeniya B. N. Putilova* (Sankt-Peterburg,

14-17 sentyabrya 2009 g.) [Classical Folklore Today: Materials of the Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Boris Nikolaevich Putilov] (Saint Petersburg, September 14-17, 2009)]. St. Petersburg, 2011, pp. 199-249.

4. Egami, N. *Kiba minzoku kokka: Nihon kodaishi e no apurochi* [States of Equestrian Peoples: An Approach to the Ancient History of Japan]. Tokyo, Chuo Koronsha, 2020 (1967). 340 p. (in Japanese).

5. Tohaku Blog. Tokyo National Museum [Web-site]. URL: <https://www.tnm.jp/modules/rblog/index.php/1/2012/02/05/>

6. Yoshida, A. *Nihon shinwa no genryu* [Origin of Japanese Mythology]. Tokyo, Kodansha, 1976. 211 p. (in Japanese).

7. Littleton, C. S., Malcor, L. A. *From Scythia to Camelot: A Radical Reassessment of the Legends of King Arthur, the Knight of thooe Round Table and the Holy Grail*. London and New York, Routledge, 2000 (1994). 388 p.

8. Rakhno, K.Yu. *Nartovskii epos i dinasticheskaya mifologiya frank-skikh korolei Merovingov* [The Nart epic and the dynastic mythology of the Frankish kings of the Merovingians]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre]. 2022, no. 1 (19), pp. 23-34.

9. Gutieva, E.T. *Gibel' Batradza i smert' Bastarda* [The Death of Batradz and the Demise of Bastard]. *Kavkaz-Forum* [Kavkaz-Forum]. 2021, iss. 8 (15), pp. 44-59.

10. Beckwith, C.I. *Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present*. Princeton, Princeton University Press, 2009. 472 p.

11. Hisaoka, K. *Yaponskie klappery sasara i naruko* [Japanese Clappers Sasara and Naruko]. *Muzykal'noe iskusstvo Evrazii: Traditsii i sovremennost'* [Music of Eurasia: Tradition and the Present]. 2022, no. 2 (7), pp. 55-63.

12. Eliade, M. *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy/translation from the French by W.R. Trask*. London, Penguin Arkana, 1989 (1964). 610 p.

13. Sachs, C. *The History of Musical Instruments*. New York, Dover Publications, 2006 (1940). 505 p.

14. Ink rubbings of Chinese stone carvings: A photographic introduction to items from the collection // *Rekihaku*, vol. 119 [Web-site]. URL: <https://www.rekihaku.ac.jp/english/outline/publication/rekihaku/119/witness.html>

15. Studenetskaya, E. N. *Maski narodo severnogo Kavkaza* [Mask of the People of the North Caucasus]. Leningrad, State Museum of Ethnography of the People of the USSR, 1980. 2 p.

16. Kushu, S. A. *Shutochnye tantsy adygov (cherkesov)* [Comic dances of the Circassians (Circassians)]. Maykop, Poligraf-Yug, 2018. 121 p.

17. Yoshida, A. *Amaterasu no genzo: Sukitai shinwa to nihon shinwa* [Gen-

esis of Amaterasu: Scythian Mythology and Japanese Mythology]. Tokyo, Seidosha, 1987. 226 p. (in Japanese).

18. Beckman, G. The Anatolian Myth of Illuyanka. *Journal of the Ancient Near Eastern Society*. 1982, vol. 14, pp. 11-25.

19. Dumezil, G. *Osetinskii epos i mifologiya* [Ossetian Epos and Mythology]. Moscow, Nauka, 1976. 273 p.

20. Chaucer, G. *The Canterbury Tales*. Translation by D. Wright, notes by C. Cannon. Oxford, Oxford University Press, 2011 (1985). 517 p.

21. Rakhno, K.Yu. *Rozhdennyi skaloi: Mongol'sko-Tibetskie fol'klornye paralleli k osetinskomu nartovskomu eposu* [Born from a Rock: Mongolian-Tibetan Folk Parallels to the Ossetian Nart Epos]. *Kavkaz-Forum* [Kavkaz-Forum]. 2020, iss. 3 (10), pp. 112-126.

22. Anthony, D.W. *The Horse the Wheel and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton, Princeton University Press, 2007. 553 p.

23. *10 interesnykh faktov o rannikh skifakh Tuvy* [10 interesting facts about the early Scythians of Tuva]. *Natsional'nyi muzei im. Aldan-Maadyr Respubliki Tyva* [Aldan-Maadyr National Museum of Republic of Tuva] [Web-site]. URL: <https://xn--80adihlp9be0f.xn--p1ai/?p=11214>

24. Beckwith, C.I. *The Scythian Empire: Central Eurasia and the Birth of the Classical Age from Persia to China*. Princeton, Princeton University Press, 2022. 377 p.

25. Gutsulyak, O. *Siraki ot Ukrainy i Kubani do Korei i Yaponii* [Siraces from Ukraine and the Kuban to Korea and Japan]. *Proza. Ru* [Prose. RU]. [Web-site]. URL: <https://proza.ru/2022/02/12/1805>

26. Abaev, V.I. The Ossetian Epic «Tales of the Narts». Colarusso, J., Salbiev, T. (eds.). *Tales of the Narts: Ancient Myths and Legends of the Ossetians*. Translation by W. May. Princeton, Princeton University Press, 2020 (2016). 442 p.